

Аргуновская школа. Время надежд.

Весной 1968 года, когда я учился в 8 классе Калининской восьмилетней школы, к нам, в выпускной класс, приехал директор Аргуновской средней школы Бобылев Борис Николаевич. Он рассказывал нам о перспективности среднего образования и предлагал всем, за исключением круглых «троечников», продолжить образование в Аргуновской школе. К тому времени я уже решил, что буду заканчивать среднюю школу. Оставалось только выбрать где учиться: в районном центре – Никольске, до которого 30 километров, или в селе Аргуново, расположенного в 20 километрах от моей деревни Подольской. Расстояние сыграло существенную роль, и мы с моим двоюродным братом Колей (наши отцы были родные братья) решили учиться в Аргуново. Коля рано остался без матери и часто бывал у нас в доме. И хотя мы с ним иногда ссорились, но были очень дружны и наше детство прошло вместе. После выпускных экзаменов за 8 класс отец Николая, дядя Вася, не разрешил Коле продолжить учебу в средней школе и отправил его в строительный техникум, и мне два года предстояло ходить в школу одному из нашей деревни.

До меня Аргуновскую среднюю школу закончили два наших односельчанина: мой дядя Подольский Алексей Александрович, 1939 г.р., и Лужинский Владимир Яковлевич, 1949 г.р. Оба благодаря школе сделали неплохую карьеру: Алексей увлекался лыжным спортом и после армии, закончив факультет физкультуры и спорта Архангельского пединститута, тренировал лыжную сборную Советской армии, а затем много лет работал на кафедре физ.воспитания института Стали и Сплавов в Москве.

После окончания школы, бывая в столице, я всегда останавливался у Алексея Александровича в его двухкомнатной, кооперативной квартире на улице Профсоюзной. По возможности он старался брать меня на различного рода спортивные мероприятия и подсказывал, что стоит посмотреть в Москве в мой очередной приезд. Многие выставки и экспозиции я посетил благодаря его советам. Подозреваю, что его увлечение лыжным спортом было отчасти обусловлено необходимостью преодолевать двадцатикилометровую дистанцию до школы, зимой, на лыжах. Машины тогда ходили крайне редко. Сейчас, когда Алексея Александровича уже нет с нами, в его квартире живет его старшая дочь Таня с семьей, и я, будучи в Москве стараюсь навестить их.

Володя Лужинский проявил истинное упорство для окончания школы. В девятом классе его оставили на второй год, и все думали, что он не будет учиться, но Володя, несмотря на ворчание и упреки родителей, снова пошел в девятый класс и закончив школу, по направлению военкомата поступил в Ленинградское высшее зенитно-артиллерийское училище, которое успешно закончил и дослужился до полковника. Несмотря на разницу в возрасте (он на четыре года старше), мы с ним были очень дружны. Володя был заводилой среди мальчишек нашей деревни с самых малых лет. На речку – купаться, в клуб – смотреть кино и за крыжовником в Калининский школьный сад всегда с Володей. Особенно шалили в зимние святки. Во дворах семей, где были молодые девушки, в «страшные вечера» роняли поленницы дров и даже

раскладывали поленья вдоль дороги. Рассерженные хозяева поутру заставляли девчонок и других домочадцев убирать последствия наших шалостей. Теперь Владимир Яковлевич военный пенсионер и живет в Подмоскowie.

Итак, в одних из летних дней я отвез свидетельство об окончании восьмилетки в Аргуновскую школу. Директор посмотрел мой аттестат и сказал, что первого сентября я могу приходить на занятия. Встать в этот день мне пришлось очень рано. Я собрался и на велосипеде отправился в Аргуново. По прибытии в это большое село, где предстояло провести два года, мне выделили койку в интернате, и я стал привыкать к моему новому образу жизни, когда появилась определенная самостоятельность, так как к родителям мы ездили только на выходные, а точнее на выходной поскольку в субботу тоже, как правило, проводились занятия.

Из нашего восьмого класса Калининской школы пришли учиться в девятый класс Аргуновской средней вместе со мной Баданина Таня, Гомзиков Федор, Тельминова Надя (все из деревни Ковригино) и Павлова Надя из Челпаново.

Кирпичное здание школы было построено на стыке XIX и XX столетий, выглядело солидно и прочно. На двух этажах с просторными коридорами располагались многочисленные классные помещения, а на третьем этаже, который был вроде большого «мезонина», находилась всего одна комната, где и был размещен наш 9 «Б». Когда я в первый раз вошел в свой класс, лучшие светлые места около окон были уже заняты, и мы с Федором Гомзиковым сели за парту в самом дальнем ряду от окон. Может это сыграло свою положительную роль в моем образовании: мне не пришлось отвлекаться пейзажами за окном, и все внимание было направлено к педагогам. Школа располагалась на возвышенности, на берегу речки рядом с церковью. Около нее располагался парк из больших деревьев, посаженных много лет назад. Сейчас одно из зданий церкви восстановлено и в нем проходят церковные службы и обряды. Сохранился частично и парк из вековых деревьев.

После первого урока, на перемене к нам в класс вошла милая белокурая девушка невысокого роста и сказала, что она наш классный руководитель. Ее смущение было очень заметно, но она всем нам понравилась своей непосредственностью. Это была Зоя Сергеевна Куваева. Для нее и нескольких ее коллег, выпускников Вологодского пединститута, мы стали первыми учениками.

Было образовано три девятого класса: А, Б и В, из учеников пришедших более чем из двадцати деревень (на следующий год десятых было уже только два класса: А и Б, так как количество учащихся уменьшилось: кто-то был отчислен, кто-то после девятого класса в десятый уже не пришел и из трех девятого классов было сформировано два десятых)..

После уроков первого дня занятий к нам в класс поднялся директор и объявил, что завтра нужно прийти в рабочей одежде – мы на две недели отправлялись в одну из дальних деревень района убирать с полей лён, а попутно делать и другие сельскохозяйственные работы.

На следующий день в кузове грузовой автомашины мы ехали довольно долго к месту назначения. По прибытии в колхоз нас расселили по разным домам. Группу мальчишек, в которую входил и я, поселили в дом, где жили «дед и баба». В первый же вечер мы пошли гулять, а когда вернулись поздно вечером, дед нас в дом не пустил. Мы пытались устроиться переночевать в кабине трактора, но, к счастью, один из местных парней возвращался с какой-то гулянки и проявил истинное благородство: пригласил всех нас к себе. Дом у него был большой, построенный из корабельного леса, в нем располагалась семья местного фельдшера и нас без труда разместили. Там мы и жили до конца трудового семестра. Обеды готовили сами девчонки, благо продукты были все натуральные и в достаточном количестве. За эти дни мы все перезнакомились и подружились. Через две недели мы вернулись в школу.

Учиться мне нравилось. Педагогический коллектив школы был в основном молодой, но все учителя и с опытом, и без стажа очень хотели дать нам настоящие знания. Многих я помню до сих пор:

Баданина Анна Гавриловна преподавала неорганическую химию и могла увлечь нас очень занимательным повествованием разделов этого предмета. Ее муж Баданин Вениамин Васильевич с 1970 года (в этот год мы закончили школу) десять лет возглавлял Аргуновскую школу.

Шмакова Валентина Николаевна (девичья фамилия – Кокина), преподаватель алгебры и геометрии, первый год работавшая в школе, очень увлеченно вела уроки. Она сильно переживала за неудачи своих учеников, но, тем не менее ставила только справедливые оценки. Знания, которые она дала, мне очень пригодились впоследствии, когда я учился на первом курсе физико-математического факультета Мурманского пединститута. У меня не было проблем с математикой и затем, когда я перевелся на инженерно-экономический факультет Марийского политехнического института.

Пахолков Виталий Александрович, историк – строгий преподаватель, который читая курсы истории и обществознания, поднимал такие вопросы, которые в то время не принимались к обсуждению ни в каких аудиториях: например, о расстреле царской семьи в 1918 году.

Зубов Валентин Иванович, молодой специалист из Никольска, щёголь и полиглот, несколько раз выручал меня с уроками немецкого языка. Иногда он заменял нашу учительницу иностранных языков и, зная, что у меня слабая база по немецкому, старался спрашивать меня и неизменно ставил мне нужные «четверки». К сожалению, он впоследствии плохо кончил из-за пристрастия к алкоголю: замерз в Никольске, не смог выбраться из оврага, куда скатился будучи пьяным.

Что касается моего отношения к языкам, то всегда считая, что образованный человек должен владеть хотя бы одним иностранным языком и, комплексую, что я так и не выучил немецкий, спустя много лет, будучи в зрелом возрасте, я два года занимался английским (первые занятия со мной провела моя дочка Катя – преподаватель и переводчик) и сейчас могу на определенном уровне общаться на английском. Пусть это будет хоть какой-то компенсацией за не выученный толком в школе немецкий. Поводом для

столь интенсивного изучения английского послужила наша с дочкой Катей поездка в Европу. Там почти все владеют как минимум двумя языками.

Затронув тему иностранных языков нельзя не вспомнить Топоркову Галину Федоровну, учительницу географии Калининской восьмилетней школы. В 1967 году наша семья вернулась в деревню из Казахстана, куда мои родители ездили вместе с детьми «поднимать целину». В восьмом классе, куда я пришел учиться в Калининскую школу, а точнее вернулся через два с половиной года, преподавался французский язык, а я в Целиноградской области Казахской ССР по школьной программе изучал немецкий. Выручила Галина Федоровна. Она иногда в коридоре или в учительской занималась со мной немецким. Мы с ней впоследствии были очень дружны. Будучи студентом и молодым специалистом я неоднократно приезжал к ней в Теребаево, куда она переехала с мужем в семидесятые годы. К сожалению, их обоих сейчас нет в живых.

Физкультуру нам преподавал Шиловский Николай Петрович, молодой парень, только что демобилизовавшийся из армии, он особо не мудрствовал и часто, к нашему величайшему удовольствию, во время его уроков мы играли в футбол. Наш класс был чемпионом школы. Причем зимой играли в валенках, зимней спортивной обуви тогда, конечно у нас не было. В зимнее время часто бегали на лыжах и принимали участие в соревнованиях районного масштаба в городе Никольске.

По окончании школы, когда я был уже студентом, то продолжал заниматься лыжным спортом и участвовал в таких соревнованиях, как праздник Севера в городе Мурманске, где в составе сборной института преодолевал непростые лыжные маршруты вместе со спортсменами не только Мурманской области и других регионов страны, но и с представителями скандинавских стран и восточной Европы.

В то время отношения между учителями и учениками явно отличались от нынешних. Ученики с истинным уважением относились к учителям, а учителей отличала настоящая ответственность за конечный результат своей работы. Они искренне переживали за нас и радовались нашим успехам, а когда было нужно, защищали нас в буквальном смысле.

Приведу один пример: весной 1970 года, уже перед окончанием школы один из местных хулиганов из Зеленцова Колька Дурёнок (такое его прозвище), с такими же как он беспредельщиками, напали около Аргуновского клуба на меня и моего школьного приятеля Толю Бушманова. Ради развлечения они беспричинно решила нас избить. Нам досталось, поскольку их было в несколько раз больше и они были старше нас. Мне пришлось даже несколько дней ходить в школу в темных очках. Когда об этом стало известно, молодой учитель труда Вениамин Николаевич Шилов, спортивный, крепкий парень, отслуживший в армии и буквально за несколько месяцев до этого женившийся на учительнице русского языка и литературы Алле Константиновне (она не преподавала в нашем классе), случайно встретил главного забияку за деревней. Вениамин Николаевич ехал на мотоцикле, а Дурёнок шел навстречу ему и нес сумку с водкой. Преподаватель остановил мотоцикл и попытался сначала объяснить хулигану,

что нельзя бить учеников, но у него был природный дефект – он заикался. От волнения он не смог начать фразу, махнул с досады рукой, взял «дрын» и отутюжил им Дурёнка. Водка соответственно была разбита, а сам «пострадавший» ретировался лесом в свою деревню и больше никогда не помышлял связываться со школьниками.

Но вернемся в сентябрь 1968 года. Наш интернат находился прямо на дороге, ведущей в Вологду. В этом были свои плюсы. В конце недели, когда нужно было возвращаться домой, мы ждали рейсового автобуса. Правда автобусы зачастую не придерживались расписания и ходили нерегулярно, тогда мы ловили попутную машину. А когда была распутица, и никакой транспорт не шел, добирались пешком. В хорошую погоду ездили на велосипедах. Однажды зимой, вечером, после занятий, в сильный мороз, который в те годы был постоянной составляющей зимних месяцев, мы с Федором Гомзиковым шли пешком домой. По дороге в попутном направлении шел трактор с санями, груженный бревнами. Мы без проблем уселись на бревна, но смогли проехать не более получаса. В такой мороз ехать на санях, продуваемых ужасным холодом, было не выносимо. Почувствовав, что можем обморозиться, в одной из деревень мы спрыгнули с саней и постучались в какой-то дом. Нас впустили, мы обогрелись и дальше пошли снова пешком. Когда двигаешься – мороз не так страшен. В другой раз я попал под сильный ливень. Я успел отойти от дома не более километра, как начался дождь. Все небо затянуло тучами, и я понял, что это надолго. Укрыться было негде, вдоль дороги было поле и я продолжил путь. Скоро вся одежда намочила так, словно я в ней плавал. Ливень через какое-то время ушел в сторону, а я так и шел в мокрой одежде. Удивительно, но болели мы очень редко. С малых лет привыкшие свободное время проводить на улице, летом купались в речке, а зимой играли на улице, мы были адаптированы к суровой природе Северных Увалов.

Однажды отец показал мне более короткий путь: через пашни и пожню, которая называлась «Головатая» напрямик к деревне Малое Оксилово. Путь сокращался на 4-5 километров, но идти до Оксилова приходилось тропинкой и уже без всякой надежды на попутку. Поэтому я использовал короткий путь всего несколько раз.

Асфальтовые дороги появились в Никольском районе много позднее, а в то время даже дорога, ведущая в Вологду, была, как говорится, «излом и вывих». Благо теперь, спустя десятилетия, в Никольск можно ехать по асфальтовой трассе не только из Вологды, а также из Шарьи и Великого Устюга.

На первом этаже нашего школьного интерната жили мальчики, на втором – девочки. Иногда мы ходили к ним в гости, чаще для каких-то совместных занятий. Книг в библиотеке на всех не хватало и «Войну и мир», например, мы познавали следующим образом: один из нас сидел за столом рядом с лампой и читал вслух роман, остальные располагались кто где: на стульях, кроватях и даже на тумбочках. Мне часто приходилось выступать в роли чтеца, и я не скажу, что мне это не нравилось.

По утрам, если приходил дежурный преподаватель или кто-то из старшеклассников проявлял инициативу, мы выходили на зарядку. Иногда младшие школьники даже просили нас показывать упражнения. В пятом, шестом и седьмом классах я учился в Целиноградской области. Там приобщился к спорту, и мне было нетрудно показывать упражнения на зарядке, а остальные повторяли. Во дворе интерната была столовая, но кормили нас очень скромно. Поэтому мы старались хотя бы раз в два дня сходить в колхозную столовую и покушать за деньги, которых вечно не хватало (родители давали на неделю пять рублей). Когда я приезжал или приходил домой, то мама несла на стол как можно больше еды. Она знала, когда я прибуду, и всегда старалась приготовить в этот день хороший обед. Щи, блины, мясо с картошкой, грибы и капуста, сметана и творог, всё было в радость после недельного скудного питания.

Воскресенье я, как правило, проводил дома, вставал не рано, завтракал и, если не было срочной работы по хозяйству, встречался с друзьями, а вечером с ними шел в кино – в Калинино или в Нагавицино. В Нагавицино жила девочка, которая была моей первой любовью и звали ее Валя Пахолкова. Еще когда я учился во втором классе начальной школы, она, городская девочка, на год моложе меня, приехала из Мурманска в Нагавицино и ходила в первый класс, я пытался обратить на себя её внимание. Наш детский роман продолжался довольно долго, с переменным успехом и вот уже юношей, отмахав в субботу пешком 20 км из Аргунова до дома, я ужинал и направлялся в Нагавицино, чтобы только увидеть ее и посидеть рядом в темном зале клуба, во время фильма. Жизнь развела нас в разные стороны, но я рад, что у нее, в конце концов, всё хорошо сложилось и она, уже в наше время, приезжает иногда в свое Нагавицино в летние месяцы.

Зима 1968-1969 гг. была настоящей русской зимой с сильными морозами. Большие помещения интерната обогревались печками, и тепла, конечно, не хватало. Уроки учили в верхней одежде. После нового года в феврале я ушел из интерната и стал жить в доме двоюродной сестры мамы – Апросиньи. Ее дом располагался рядом с клубом (он и теперь в хорошем состоянии, но, наверное, там уже никто не живет). У меня была раскладушка, которую я убиравал каждое утро. Однажды на автобусе ко мне приехала мама, она привезла полмешка картошки и что-то еще из продуктов. Она и Апросинья долго сидели за столом, пили чай и вспоминали детские годы, которые провели вместе в доме моего прадеда по материнской линии - Григория. За бойный характер односельчане прозвали его Воробьем, а всех детей звали Воробьенковыми.

Мама приезжала еще один раз – на классное собрание. Родительское собрание проходило в присутствии учеников. Мама немного опоздала. Когда она зашла, все сразу обратили внимание, потому еще, что на пальто у нее была наброшена шаль, необычайно красивая, белая, с алыми цветами. В то время головные уборы для сельских женщин – платки, полушалки, шали - имели особое значение. Для каждого случая надевался подходящий платок или полушалок. У мамы в сундуке их было несколько десятков. Зная ее увлечение, родственники в подарок ей регулярно привозили все новые и

новые полушалки. И она знала, кто и откуда привез ей каждый платок. Шали одевались только по особо торжественным случаям, например, когда шли в гости или на свадьбу. Посещение школы мама оценивала как особый случай и пришла очень нарядная. Девочки из нашего класса потом мне в один голос говорили: «Подольский, какая у тебя мама красивая». Учился я хорошо, был один из лучших учеников в школе, и маме было приятно слышать об этом. Учились мы в классе во вторую смену, и я не смог даже проводить маму. После собрания родители поехали по домам, а у нас продолжались занятия.

В школе была неплохая дисциплина. Любые нарушения и проступки сразу пресекались. Мы проучились всего лишь месяц в девятом классе, когда за какие-то нарушения дисциплины на общей линейке школы директор зачитал приказ об отчислении трех девятиклассников из параллельного класса. Но в целом атмосфера в школе была доброжелательная.

Тогда не было многих соблазнов, которые присутствуют в жизни современных школьников, и это давало нам возможность много читать, говорить о прочитанном, рассказывать какие-то истории. Книги в то время имели очень весомое, если не решающее, значение. Кроме школьной библиотеки мы брали книги в сельской библиотеке, фонд которой был очень неплохим. Уже в то время я интересовался литературой и кроме русской классики читал Чарльза Диккенса, Вальтера Скотта, Александра Дюма, Конан Дойля, Вильяма Шекспира. Кроме того в этот период еще не прошло мое увлечение фантастикой – это был особый стиль, и русские и зарубежные фантасты имели читательский успех.

В девятом классе нам было по 15-16 лет и нам хотелось прилично одеться. Хотя вещи стоили недорого, просто далеко не все можно было купить в сельских магазинах и даже в Никольске. Однажды мне несказанно повезло. Возвращаясь на выходные из школы в Подольскую, я зашел в райповский магазин деревни Вахнево и увидел очень модное, осеннее пальто со стоячим воротником, которое сидело на мне как будто его шили специально для меня. Я уговорил продавщицу отложить его до понедельника, мама дала мне денег, и по дороге в школу в понедельник я снова пришел в этот магазин и купил пальто. Даже когда наступали холода, мы старались ходить в школу (т.е. по селу Аргуново) не в сапогах и валенках, а в ботинках и с обязательной папкой для учебников. С портфелями тогда ходили только девочки. Мальчики старших классов ходили только с папками. Надо сказать, что мужчины–преподаватели тоже придерживались этой моды. Когда я в новом стильном пальто, с поднятым воротником появился в школе, девчонки снова вынесли свой вердикт: «Ты, Подольский, как стилинга». Для меня это прозвучало комплиментом.

Девятый класс пролетел, и начались летние каникулы. В этот год отец решил строить новый дом. Мы переселились в дом дяди Васи – брата отца, а свой дом разобрали и стали строить новый. Отец работал на нефтебазе (это примерно 7км от дома), дежурил сутками и два дня мы работали на строительстве дома, затем он уходил на сутки, а когда возвращался - мы снова работали на стройке. Помню забавную историю. Накануне вечером мы с ребятами допоздна гуляли в соседней деревне Калинино, и я вернулся очень

поздно. Утром отец меня разбудил рано – дел с домом было не впрокорот. Кое-как я дотянул до момента, когда отец стал собираться на работу, это примерно в четыре часа дня. Он мне дал задание: что нужно делать, и ушел. Я не смог даже дойти до кровати, а лег на кучу мха, заготовленной нами в лесу и привезенного для нового дома, и моментально уснул. Но буквально через час пришла с работы мама и стала меня ругать, что я вместо работы валяюсь и отдыхаю. Вообще мама меня ругала очень редко, у нас было удивительное взаимопонимание, и мы сохранили такие отношения на долгие годы. Но кроме строительства дома нужно было в летние каникулы работать и на колхозной работе. Мальчишки и девчонки моего возраста работали наравне с взрослыми. Мы косили и загребали сено, метали его на стога, а вечером, если погода позволяла, шли в клуб. Сенокосничали не только на лугах относительно рядом с деревней (2-7км), но и на грузовой машине или тракторе ездили на дальние сенокосы, к «денисятам». На дальних и ближних сенокосах каждая пашня носила свое название: Ромахин сенокос, Немецкое дерево, Дудин, Погорелая, Широкий лог... Как правило, во время работы 2-3 раза, по разрешению старших, мы успевали искупаться, если не было сильной спешки по уборке сена (особенно торопились убрать сено перед дождем). Обед готовили прямо на лугу - в больших котлах или в железных ведрах, причем суп был из свежего мяса, на второе обычно каша и заканчивалась трапеза ароматным чаем, заваренным на травах. Обед готовил специально назначенный повар или повариха. Работали мы самоотверженно, весело и дружно.

Навыки в работе нам пригодились и на заготовке дров для школы. Вся школа, интернат, дом для учителей и разные подсобные помещения отапливались дровами. Дров нужно было очень много и руководство школы направляло учеников весной для заготовки дров в лес. Мы не были исключением и весной 1969года также ездили на эти работы. Деревья были спилены бригадой лесорубов, а нам нужно было обрубить сучья, ручной пилой распилить бревна на тюльпаки, расколоть их и сложить в поленницы. Деревенские мальчишки и девчонки умели всё это делать, так как все дома с родителями заготавливали дрова, поэтому за неделю мы сделали довольно большой объем работы и заслужили благодарность от директора, в т.ч. и наша бригада, которую он отметил как хорошо потрудившуюся.

Десятый класс был выпускной, впереди экзамены, нужно было серьезно заниматься, поэтому многие десятиклассники жили не в интернате, где всегда было многолюдно и шумно, а на частных квартирах. С началом занятий я поселился на другой квартире, не далеко от школы. Хозяйка дома брала с меня за постой немного, но я должен был помочь ее семье в заготовке дров. Сама хозяйка работала на ферме, ее сын учился в шестом или седьмом классе, а бабка занималась хозяйством. Мама передавала со мной мясо, чтобы бабка варила для меня картошку и добавляла туда свинину или говядину. Но, как правило, в картошке, которую для меня варила бабка было только сало. Бабка мясо забирала, а в мои обеды добавляла практически лишь сало. Я долгое время стеснялся спросить ее, почему она не варит мне мясо, а когда все же спросил, она нагло заявила, что кладет в кастрюлю то, что я привез. Это тот

редкий случай, когда в юности я столкнулся с мелкой подлостью взрослого человека. Одним словом, бабка была еще та... и глазом не моргнув, регулярно обирала школьника.

Я учился более чем успешно, причем не было предметов, которые мне явно не нравились. Физика, история, обществоведение, литература, астрономия, экономическая география – мне давались просто и легко. Серьезно относился к математике и химии, любил писать сочинения. За время учебы в школе несколько раз участвовал в районных олимпиадах. Хочу отметить, что запас знаний, которые я получил в Аргуновской школе, был достаточно высоким и мне очень пригодился. Когда я переводился после первого курса Мурманского пединститута на второй курс Марийского политехнического института мне пришлось многие предметы сдавать экстерном – те, что не изучал в пединституте – это химия (годовой курс), начертательная геометрия, черчение, философия, научный атеизм, немецкий язык. Только благодаря школьным знаниям я справился с этим и очень признателен моим учителям нашей сельской школы.

Конечно, были и конфузы. Я много читал в те годы, литература мне была интересна, но по какой-то причине учительница русского языка и литературы Берсенева Г.Ф. относилась ко мне неоднозначно, принимая мою уверенность в этом предмете как некий вызов, и несмотря на то, что я блестяще сдал выпускной устный экзамен по литературе, а сочинение написал на четыре (по сочинению выставлялась общая оценка за литературу и русский), в аттестат она поставила четыре по литературе и три по русскому языку, при этом троек я вообще не получал в средней школе. Мне было очень обидно. Учительница Берсенева вскоре уволилась из Аргуновской школы. Годы спустя я понимал, что нужно было просто зайти к директору, объяснить ситуацию и очевидная несправедливость, я думаю, была бы исправлена. Но тогда было трудно представить, что бы учащийся оспаривал оценку, выставленную учителем. Через много лет я стал членом Союза писателей России, получил признание как литератор, в том числе и на своей малой родине, но эту несправедливость с единственной тройкой в аттестате и четверкой по литературе я не забыл. Однако результатом этой истории стал с моей точки зрения и положительный момент. Многие годы спустя, когда я преподавал в Марийском государственном университете современные дисциплины, непосредственно связанные с моей основной работой: инвестирование, рынок ценных бумаг, организация управления и др., признаюсь, были случаи завышения мною оценок на экзаменах, (иногда от одной оценки зависела стипендия студента), но никогда не занижал, не зависимо от моего личного отношения к сидящему на экзамене или зачете напротив меня студента.

А что касается моих сочинений по литературе, написанных в 9-10 классах, то еще несколько лет они хранились в Аргуновской школе и выпускники следующих выпусков рассказывали мне, что им на уроках литературы зачитывали мои литературные опусы как образец.

В десятом классе нам было по 16-17 лет и естественно появлялись первые юношеские увлечения. Вечерами мы уже могли гулять с девушками, но это были чистые, светлые отношения, основанные на взаимной симпатии и

доверии. Мы держались за руки и иногда целовались в укромных местах, где нас никто не мог видеть. Событием для нас были школьные или точнее сказать танцевальные вечера. Танцы проходили под проигрыватели с пластинками, но наш задор и молодость, веселое настроение и шутки компенсировали примитивность технического обеспечения.

В школе, кроме Федора Гомзикова, я дружил с Анатолием Бушмановым из деревни Захарово и Брониславом Кокиным из Б.Оксилова. Своей эрудицией выделялся Павлов Петя из Вахнево. Он, как и Бронислав, ездил в школу на мотоцикле. Кстати, несмотря на способности, Павлов не сделал служебной карьеры. В институте, всерьез занимаясь лыжным спортом, он запустил учебу, а после окончания вуза не захотел работать по специальности и одно время даже работал водителем на грузовой машине. Трудно сказать как сложилась его дальнейшая судьба.

Из девочек нашего класса хорошо помню Надю Павлову и Катю Кокину из Б.Оксилова. Мне была симпатична Барболина Евдакия из Захарово, которую мы все звали Люсей, видимо, ей это имя больше нравилось. К моему великому сожалению, после школы я больше никогда не видел этих милых девушек. Из параллельного класса тоже назову несколько имен: Карандашев Вадим из Аргуново, Корепина Дина из Зеленцово, Бушманова Надя из Аргуново - активная девчонка, к которой мы иногда приходили домой и, слава богу, она и сейчас живет в Аргуново, и я неоднократно бывал у нее в гостях. Кстати, она вышла замуж за моего одноклассника - Кокина Бронислава, но он, к сожалению, погиб из-за чрезмерного потребления алкоголя.

С большинством одноклассников после окончания школы я более не встречался, но с некоторыми судьба иногда сводила, особенно в годы студенчества. Тогда я каждые каникулы приезжал к родителям, и, естественно, у меня было время встретиться с одноклассниками, которые также как и я приезжали в отпуск или на каникулы. Так мы регулярно встречались с Анатолием Бушмановым, Федором Гомзиковым, Брониславом Кокиным. Однажды в летние студенческие каникулы побывал на дне рождения Геннадия Коробова из деревни М.Оксилова. Случайно на деревенском празднике встретился с Василием Шемякиным из деревни Чернино, он тогда отслужил в армии и приехал на побывку к родителям.

Мне кажется, все, с кем я учился в школе, стали людьми достойными. Ведь в любую погоду, в лютой мороз зимой, в распутицу весной, и в дождь осенью, мы добирались до школы за многие километры, жили в интернате и на квартирах, питались довольно скудно, учили уроки при свете керосиновых ламп и мечтали о будущем. Мы свято верили, что впереди нас ждут разные, но счастливые судьбы.

Когда я учился в 10 классе, у меня была местная пассия Галя Горбунова. Она закончила школу на год раньше, и работала какое-то время в книжном магазине рядом со школой. Еще в 9 классе, когда она была десятиклассницей, я обратил на нее внимание. Она была очень стройной, высокой девушкой, хорошо одевалась и ходила на каблуках. Долгое время я не решался познакомиться с ней поближе, но, будучи десятиклассником, под новый год я

увязался ее провожать, и затем мы некоторое время встречались. Через десять лет на встрече выпускников я едва узнал ее: это была полная женщина, совершенно не похожая на прежнюю Галю Горбунову. После завершения официальных мероприятий и школьного бала мы с ней сидели в доме Бронислава и Нади Бушмановой, долго разговаривали, и я, не сдержав своего удивления и даже разочарования, сказал: «Галя, лучше бы я тебя не видел сегодня...» Она не обиделась, понимая, что в моей памяти я сохранил ее образ нежной тростинкой своей юности, а в реальности встретил совершенно другую женщину. Галя вышла замуж за Толю Южакова (он еще в девятом классе был исключен из школы) и жила в Аргуново. Несколько лет назад она умерла. В моем старом альбоме есть фотография: милая девчушка с широко распахнутыми глазами. Гале тогда было 17 лет. Неисповедимы пути господни.

В 10 классе я уже знал, что после окончания школы поеду в Мурманск поступать в высшее мореходное училище. В этом городе некоторое время до войны жил мой отец – Подольский Анатолий Александрович, 1914 года рождения, а во время Великой отечественной войны он воевал на северном флоте и принимал участие в сопровождении англо-американских конвоев, прибывающих в главный северный порт страны. Отец был рад что я выбрал для продолжения учебы этот город. Но приехав в Мурманск я поступил в пединститут на физико-математический факультет, а через год перевелся в Марийский политехнический институт в городе Йошкар-Оле, который успешно закончил в 1975 году. Кстати, в Мурманске я случайно встретил Таню Селякову, одну из лучших учениц нашего школьного выпуска, она тоже поступала в Мурманский пединститут, первая попытка ее оказалась неудачной, но в 1971 году она была зачислена в институт, успешно его закончила и сейчас работает в Вологодском педагогическом университете.

Наступала весна 1970 года. Мы готовились к выпускным экзаменам. Волнения и важность этих дней придавали нам особую эмоциональную атмосферу. Мы были дружны как никогда. Экзамены я сдавал легко и уверенно. Сдавая математику, пришлось помогать Федору Гомзикову, но, слава богу, никто из преподавателей не заметил. Тогда это строго наказывалось. Я просто решил его вариант и положил листок ему на стол, он незаметно переписал.

Сочинение писал на тему Льва Толстого и старался избегать навороченных, длинных и сложных предложений. В итоге одна оценка за русский язык и литературу - четыре.

На выпускной вечер приехал мой отец. Завуч Баданин Вениамин Васильевич (вскоре он был назначен директором школы) долго беседовал с ним и дал мне очень лестную оценку. Папа потом дома с гордостью рассказывал об этом семье и соседям.

Выпускной был хорошо организован. Стол был на удивление богатым. Директор разрешил выпускникам налить шампанское. Было сказано много добрых слов. Спортзал был переоборудован в танцевальный зал, и мы танцевали все: родители, учителя, выпускники. Я пригласил на танец нашу

любимую Зою Сергеевну. Это в ее честь я впоследствии написал стихотворение «Выбор»:

Село большое, но не город,
Здесь тротуаров нет, зима – в снегу.
И в школу: в слякоть, в дождь и в холод
Пешком идете поутру.

Два года звездочкой мелькнули,
Звонок последний, выпускной.
Мы Вас, конечно, все любили,
А класс колючий, не простой.

Сразу после выпускного вечера Зоя Сергеевна уехала из Аргуново. Однажды я встретил ее в Никольске, и мы успели немного поговорить, больше я ее не встречал.

Директор Бобылев Борис Николаевич тоже уехал из села, был переведен на работу в другую школу и на должность директора Аргуновской школы был назначен Баданин Вениамин Васильевич, он 10 лет возглавлял коллектив школы, а затем был избран председателем Аргуновского сельского совета и оставил преподавательскую работу. В эти годы я неоднократно бывал в доме Вениамина Васильевича и Анны Гавриловны. Они принимали меня всегда радушно и рассказывали о селе, учителях и учениках.

Однажды в конце 90-х на Ильинской ярмарке в Никольске, куда я был приглашен в качестве гостя (тогда я работал первым заместителем Главы администрации Медведевского района Республики Марий Эл), я выступал с приветственным словом: «Многие из нас живут и работают далеко от Никольска, но сердца наши принадлежат никольской земле, и Вологодчина навсегда останется нашей родиной». С высокой сцены, сооруженной специально для праздника рядом со Сретинским собором, площадь хорошо просматривалась, и я увидел среди толпы, заполонившей площадь, Баданина Вениамина Васильевича. Он меня внимательно слушал. Значит, все было не зря: неблизкий путь в школу, холод и лишения. А самостоятельная дорога жизни, которая начиналась в Аргуновской школе, вывела на просторы больших дел и начинаний и позволила на земле предков сказать слова любви и признательности нашему краю и своим землякам.

. С 1987 по 2008 годы, когда директором школы был Горбунов Василий Александрович, я неоднократно приезжал в Аргуново. В школе, на встречах с учащимися и учителями я читал стихи, рассказывал о своих школьных днях, дарил любителям поэзии свои книги. Надеюсь, эта традиция останется, и я еще не раз побываю в стенах родной Аргуновской школы.

Годы учебы в школе, не смотря на все трудности того времени, остаются самыми светлыми и чистыми в моей жизни, а сама школа как настоящий пример искренних и доброжелательных отношений между учениками и педагогами.

Анатолий Подольский
Член Союза писателей России
г. Никольск – г. Йошкар-Ола 2013 г.